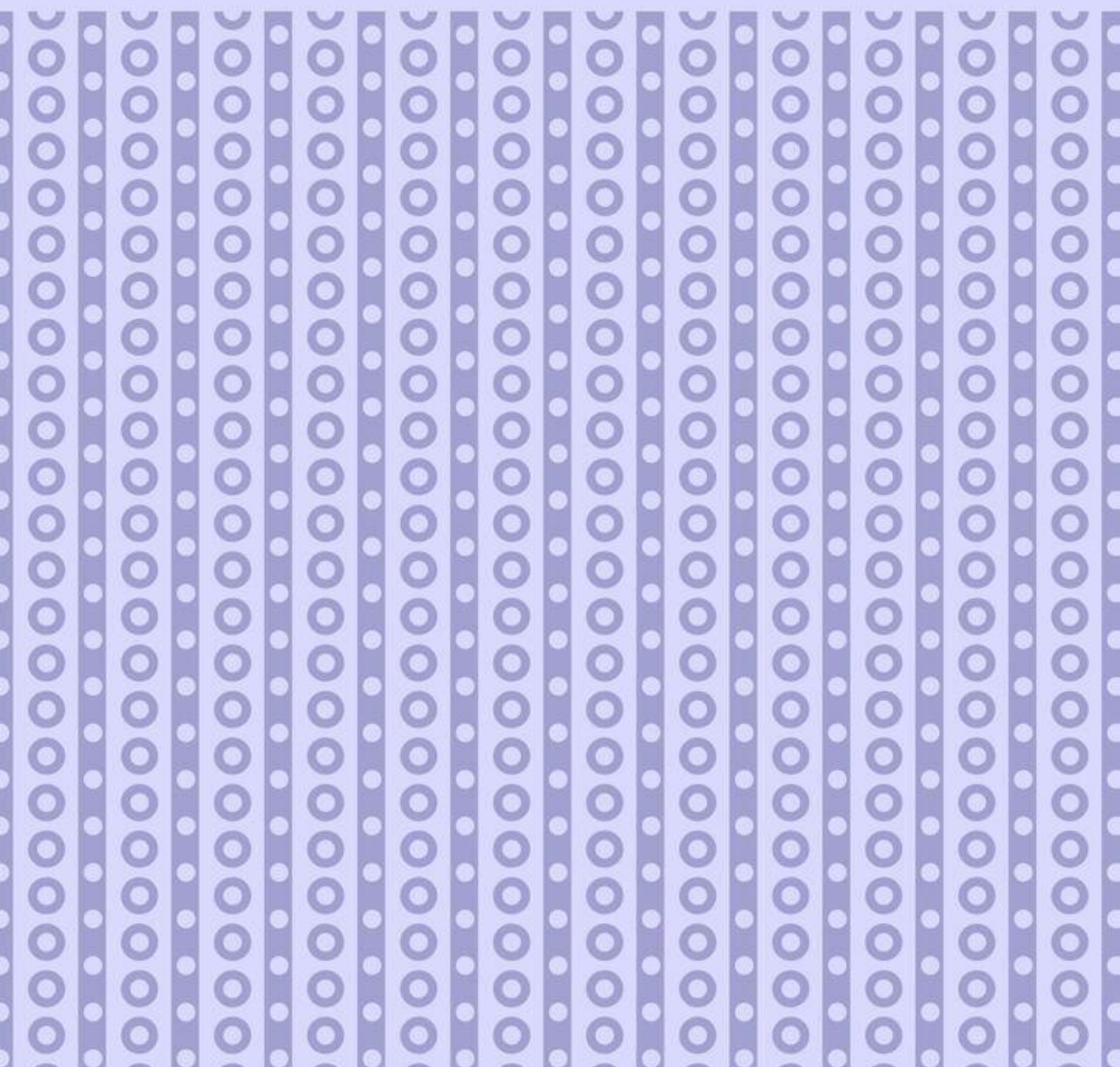

18+

Даниил Вдовин

Банда скоморох

Даниил Вдовин

Банда скоморох

«Издательские решения»

Вдовин Д.

Банда скоморохов / Д. Вдовин — «Издательские решения»,

Они — банда скоморохов. Изгои, убийцы, воры, бродяги. Их не должно было быть вместе. Но мир против них — и они против мира. Инквизиция, боги, проклятая кровь — всё это не остановит их. Они будут сражаться. Они будут умирать. Они будут смеяться. Добро пожаловать в семью. Книга содержит нецензурную брань.

© Вдовин Д.

© Издательские решения

Содержание

Падение дома Врановых	6
Тьма окутывает меня	14
Старый Воронград	20
Огонь и тени	25
Охота	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Банда скоморох

Даниил Вдовин

© Даниил Вдовин, 2026

ISBN 978-5-0070-6423-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Название: Банда Скоморох

Автор (-ы): Вдовин Даниил

Ссылка: <https://author.today/work/528444>

Падение дома Врановых

Глубокая ночь. Уставшие люди давно дремлют в своих кроватях. Время для паразитов общества — пьяницы, разбойники, шлюхи, убийцы — выходят на поиски жертв.

Вранск, столичный город, известный своими красивыми, выложенными из тёмного кирпича зданиями. Множество уличных фонарей освещают просторные улочки, там и тут украшенные скульптурами горгулий, василисков и другими тварями, которыми пугают местную детвору.

Я люблю выбираться в город по ночам. При свете дня вся его таинственная, пугающая атмосфера теряется на фоне постоянных сборищ местных простолюдинов. Сейчас город чист — лишь в тёмных углах можно услышать визги: то веселья, то страха.

В замке не понимают мою страсть. Негоже княжичу по ночам вступать в разборки с местным контингентом. Но нужно же избавиться от всей этой необузданной энергии. Иначе она сжигает изнутри.

Жертвы вышли из кабака на окраине города. Завязали перепалку — пьяные голоса отражались от стен, множились, путались. Я вошёл в тень.

Мои способности — одни из самых непонятных для людей — зовут меня принцем теней. Красивое прозвище. Но оно не отражает суть.

Обычно люди думают, что тень — это отражение объекта от света. Это не совсем верно. Свет лишь делает тень видимой. Тени есть всегда — они являются остаточными проекциями всего, что было в этом мире. Я же могу входить в их мир. Исчезая из нашего, я попадаю в тягучий мир серости воспоминаний. Этот мир лишь ненадолго отстаёт от нашего, но этого хватает, чтобы быть быстрее. Моему восприятию тяжело даётся это место — я словно плыву по нему, и все чувства ощущаются по-другому. Я бы мог сравнить это со сном. Сном, в котором ты знаешь, что спишь, но не можешь проснуться.

Ситуация такова: две мелкие банды сцепились по пьяни в местной подворотне. Они и не заметили, как из ниоткуда появился ещё один человек — белокожий, среднего роста, худощавого телосложения. Его вьющиеся чёрные волосы доходили до скул. Утончённый маленький нос, тонкие губы и алые глаза — его звали Исаак Патриашье-Вранов, первый наследник Великого княжества Врановер.

Я не смог сдержать лёгкую улыбку. Тело замерло в ожидании — знакомое, почти приятное покалывание в кончиках пальцев. Голод. Не тот, что утоляют едой.

— Эй, шлюшь сыновья, что за детскую перепалку вы тут устроили?

Тишина. Вся орава замерла. Они были слишком пьяны, чтобы понять, кто перед ними. А может, они и не видели своего княжича — я редко показывался простому люду. Знал меня только ночной город. И он умел хранить секреты.

— Сначала разберёмся с ним, а потом продолжим, — сказал вожак одной из лагерей.

Никто не стал спорить. Их было около сорока — пьяных, озверевших здоровых мужиков. Каждый, скорее всего, уже убил тройку-другую. Я бы мог уничтожить их одной атакой, но не хочу так рано заканчивать. Не в этом смысл.

Первые человек пятнадцать окружили меня. Они резали наобум — часто попадая по своим же, по товарищам, по стенам. Я пронзал их тенями, используя их же мечи. В темноте никто не понимал, почему один за другим падают люди. Но это не останавливало тех, кто ещё не успел подойти — они тут же получали удар в спину от собственных теней.

Я проводник двух миров. Я могу использовать объекты одного мира в другом. Теневые проекции — я могу изменять их по своей прихоти, растягивать, заострять, направлять.

Кровь врагов захлёстывала меня, попадая в глаза. Приходилось полагаться на тени — благодаря им я вижу и без глаз. Я не взял никакого оружия. Я сам и есть оружие. Опасное. Жуткое. Простое и смертоносное.

Пусть их будет даже сотни — никто не способен не то что задеть меня, а даже подойти.

Горы трупов лежали у моих ног. Когда местная стража найдёт их, подумает, что они перерезали друг друга в пьяном угаре. Так уже бывало. Так будет снова.

Парочка бандитов наконец опомнилась. В их глазах мелькнул страх — тот самый, животный, который поднимает человека и бросает прочь без оглядки. Они побежали в разные стороны. Резким движением руки я проткнул их теньевыми шипами, что тут же исчезли из этого мира. Ни следов. Ни улики.

Я выдохнул. Сердце постепенно замедлялось. Это была весёлая разборка — она утолила мой голод.

Рассвет уже близко. Пора домой.

От Вранска к крепости семейства Врановых шёл длинный каменный мост. В утреннем тумане он казался бесконечным — серый, холодный, продуваемый ветрами с реки. Я шёл по нему один. Как всегда.

Крепость встретила меня привычным гулом. Укреплённые стены, большой внутренний двор — здесь мы с Симеоном оттачивали свои навыки. Брату недавно исполнилось четырнадцать, но он уже догонял меня по росту. Однако мы имели больше различий, чем сходств. В отличие от меня, Симеон был пухлощёким блондином крепкого телосложения. На его лице постоянно сияла белоснежная улыбка. Очень добрый и наивный мальчишка, привыкший к тёплому миру этого замка. Если бы он почаще покидал его — может, и не был бы таким дураком. А может, это я стал таким, потому что покидал слишком часто.

Я не использовал свои способности, а вот Симеон активно перемещался из одного места в другое, напуская всюду свой туман. Контроль тумана позволял ему исчезать и появляться в другом месте, а также создавать иллюзии, что пытались обмануть меня. Но я их не боялся — всё равно ничего мне не сделают. Брата я узнавал по запаху. Душистые духи, которыми он так рьяно надушился с утра, выдавали его за несколько шагов.

Слишком скучная дуэль. Быть нянькой — не моя работа.

Резко уйдя от меча, я бью в спину парня. Тот, запнувшись о собственные ноги, громко ударяется головой о камень. Я кладу остриё меча к его шее.

— Убит.

— Можно без этого, — суровым тоном сказала любимая матушка.

Она смотрела на нас с балкона усадьбы. Высокая, статная блондинка сорока лет, сегодня в изумрудном платье — в цвет своих грозных глаз. Даже на расстоянии я чувствовал холод, исходящий от неё. Она всегда смотрела так — оценивающе, без тени снисхождения.

— Он слаб. Я в его годы уже одолел дядю.

— Он тебе поддавался.

Это охладило мой пыл. С матерью смысла спорить нет: она всегда источала холод своей материнской любви. Я так и не понял, было ли под этой бронёй что-то ещё. Наверное, было. Но не для меня.

— Матушка, мне вовсе не больно! — пробубнил своим тонким голосом братишка. — Мы с братишкой решили просто развлечься.

— Пока отец не приедет, — добавил я.

Это было главное событие года: отец наконец возвращается домой. Долгие восемь лет он был консулом царя, появляясь в своей вотчине лишь несколько раз за год. Я почти забыл его лицо. Помнил только голос — низкий, спокойный — и руки: большие, в шрамах, которые поднимали меня в воздух, когда я был маленьким.

По сути, княжеством правила его жена — Ирина Патриашье-Соколова. Вассалы князя знали её вот уже двадцать два года и давно перестали видеть в ней просто жену сюзерена. Думаю, у неё яйца больше, чем у половины местных бояр. Может, поэтому отец и задержался в столице — здесь всё работало и без него.

— Зайди ко мне, юноша. Нужно о многом поговорить.

Лёгкий холодок пробежал по спине. Неужто узнала про ночные вылазки? Страшнее матери в гневе нет никого. Я видел этот гнев однажды — когда погибла Диана. Она не плакала. Она приказывала. И люди умирали.

Когда мать скрылась из вида, Симеон толкнул меня в плечо.

— В следующий раз ты тоже будешь использовать способности! — весёлым тоном сказал Сёма.

— Ах ты, маленький мазохист.

Я потрепал его по голове. Чего у него не отнять, так это умения располагать к себе людей. Он был тёплым. В отличие от всех нас.

Я нырнул в тень — скорее ради показухи перед братом, чем по реальной необходимости. Чем мне нравился мир теней, так это тем, что никто не видит меня. Излишнее внимание раздражает.

Двор замка сегодня был очень оживлён: всё готовились к приезду князя. Гвардейцы оттачивали построение, прислуга суежилась, выполняя всевозможные поручения. Собаки выли — то ли чуя врага, то ли выпрашивая угощение.

Я шёл к пруду — своему любимому месту. Внутренний пруд, в котором никого не было. Кроме неё.

Афелия. Одна из младших служанок.

Хоть прислуге и не запрещалось здесь купаться, мало кто решался — считали пустой тратой времени. Все, кроме неё. Прекрасное, пышногрудое создание с ярчайшей из улыбок. Её густые локоны уже промокли до самых кончиков, прилипая к плечам. Утреннее солнце играло в каплях воды на её коже. Я давно положил глаз на эту красавицу, но не по статусу мне быть с ней. Не хотелось свою честь на чернь тратить.

Но никто же не запрещает любоваться.

Вот бы подобраться поближе. Рассмотреть красоту её больших глаз. Я сделал шаг — и хрустнула ветка.

Она резко повернулась прямо в мою сторону. Похоже, услышала шелест травы. Её глаза расширились — она смотрела не просто в мою сторону, а словно в самую душу. Видела ли она меня? Или чувствовала?

— Кто здесь? — испуганным голосом сказала она.

Я бежал не оглядываясь.

Глупец. Твои пороки когда-нибудь аукнутся тебе.

Позже, днём, я пробирался сквозь тени обратно к усадьбе, когда заметил её снова. Она шла через двор с корзиной белья — мокрые простыни тяжело хлопали на ветру. Наши взгляды встретились. На секунду. Она покраснела — густо, до самых ключиц — и отвернулась, ускорив шаг. Я не понял: она злилась за то, что я подглядывал утром? Или смутилась, что я её заметил сейчас?

Я не успел додумать. Она уже скрылась за углом. А я стоял и смотрел на пустой двор, в котором больше никого не было.

Свернув в сторону нашей усадьбы, я отдышался и вынырнул из тени. Передо мной предстала тёмно-каменная резиденция в четыре этажа — наш дом. Или то, что я им называл.

Зайдя внутрь, я сразу поднялся на второй этаж. Слева находился кабинет матери — место, где совершались самые важные разговоры. Тет-а-тет. Без свидетелей. Кабинет был небольшим, обставленным шкафами с книгами — всегда тесным и тёмным. Мне никогда не

было здесь уютно. Посередине стоял красивый резной стол из алого дерева, занимавший непростительно много места. На нём лежало множество писем, докладов, приказов, разбросанных по всей столешнице. Мать всегда работала. Даже когда не было работы — она её находила.

Мать зашла следом за мной. По её лицу я понял: что-то случилось.

— Новости плачевные. — Она прошагала быстрым шагом к столу. — Держи. Пришло утром.

Письмо с царским гербом. Весьма неожиданно, что его отправили лично мне. Обычно вся корреспонденция шла через мать. Я развернул бумагу.

Читая, я понял, что всё моё тело неистово дрожит. Пальцы онемели. Во рту пересохло — язык прилип к нёбу, слова застряли в горле.

Вся жизнь покатилась в пропасть.

Князь Георгий Вранов пытался совершить государственный переворот, а затем скрылся в неизвестном направлении. Он и его ближайшие родственники отныне считаются государственными изменниками, и по их душу отправлен Первый отдел Инквизитория.

— Что же нам делать, мама? — со слезами на глазах прояснилось то, что когда-то называло себя Исаак.

— Сражаться. Только сражаться. — В глазах матери читалась бешеная ярость. Я никогда не видел её такой. — Наше семейство верно служило царю двадцать четыре года, с самого начала его правления. Гоша был главным сторонником Пламенного. Я не верю, что он мог попытаться занять его место. Нас оклеветали, сын.

С каждым словом она всё сильнее сжимала мои плечи. Её пальцы дрожали — впервые в жизни.

— Но как противостоять царю? У него огромная армия.

— Успокойся. Он ещё не привлёк войско, только инквизиторов. За это время мы успеем призвать союзников. У моего брата войско больше, чем у нас. С ним мы уравнием шансы.

— А что делать мне?

— Наконец-то ты сможешь проявить себя. — Она посмотрела мне в глаза. — Говорят, по ночам ты сотни преступников убиваешь.

Я не ответил. Она знала. Она всегда знала.

В этот самый момент, за много миль отсюда, мой отец скакал через холмы и долины, истекая кровью и теряя людей одного за другим. Я не знал этого. Я стоял в кабинете матери и смотрел на письмо. А он уже хоронил своих вассалов.

Холм за холмом, долина за долиной — галопом продвигалась моя дружина. Самые верные, самые храбрые — те, кого ещё не перебили царские слуги.

В столицу я привёл триста человек. Уйти смогли лишь восемь. И это не считая слуг — их жертв было в два раза больше.

Тёмные мысли съедали меня изнутри. Я не помнил лица Исаака. Последний раз я видел его три года назад — он был ниже на голову и смотрел на меня как на чужого. Что я скажу ему, когда доберусь? «Прости, что не приехал»? «Прости, что погубил нас всех»? Симеон — он хотя бы улыбался, когда я уезжал. Исаак просто стоял и смотрел. Молча. Как его мать.

Всё моё внимание было обращено к семье: любимая жена, дочка, выданная замуж за врага, Исаак, который лишь недавно стал совершеннолетним, весёлый Симеон. Все они в опасности из-за меня. Из-за того, кто поклялся защищать.

Я уже потерял одного ребёнка. И больше не допущу этого.

Тьма скакала впереди всех лошадей, словно чувствуя мою боль. Мой конь. Моя тень. Единственное, что у меня осталось.

Оглушительный крик. Звук летящей стрелы — и Федя, мальчишка девятнадцати лет, падает с коня. Он даже не успел надеть броню.

Надо было действовать быстро.

— Парни, главное — не попадать под действие их способностей! — кричал что было сил тучный Боря. Все это понимали, но нужно же было как-то подбодрить.

Гул догоняющих становился всё громче. Инквизиторы. Ты никогда о них не думаешь, пока они не постучатся в твою дверь. Спасало нас лишь то, что преследователей было больше — маленьким отрядом передвигаться всегда легче. Но за такой крупной рыбёшкой, как я, Даниил поднял всех, кто у него был. Моя голова — он не мог и мечтать о таком улове.

Звук ускоряющегося времени доводил до дрожи. Жуткая способность в руках жуткого человека.

Я молю всех богов: дайте сил добраться домой живым. Им нужно всё рассказать. Раскрыть правду.

Земля уходит из-под ног, подбрасывая нас на высоту нескольких метров. Это было самое ужасное, что могло произойти. Я создаю магнитную силу — притягиваю нас к земле.

Там нас уже ожидал один из великих князей, что увидел шанс поразвлечься. Высокий темнокожий мужчина — Гордей — встречал нас своей яркой улыбкой.

— Ох ты мой, какое же счастье! Ты ж не думал, что я пропущу такое веселье? — жутким баритоном говорил Гордей.

— Это не твоя война, парень.

— А мне плевать. Люблю разборки.

Инквизиция уже виднелась за его спиной.

Я действовал быстро. Моя сила — магнитные поля. Я могу сделать из человека живой магнит, к которому притянется всё, что я захочу. Например, вся земля под ногами.

Там, где стоял Гордей, тут же выросла огромная гора.

Времени нет. Я притянул всех нас к холму, затем ещё к одному и ещё. Мы мелькали по всей провинции. Нужно быстрее — когда я отойду на достаточное расстояние, моя сила иссякнет, и Гордей выберется на свободу.

Каждый прыжок давался всё сложнее. Слишком много людей.

На одном из перелётов моё тело не выдержало. Голова начала кружиться. Накрыла тошнота.

— Хватит, князь. Это наша остановка. Всем не выжить, кто-то должен остаться.

Ларион. Мой самый верный вассал. Он положил руку на сердце и смотрел на меня своими нежными голубыми глазами. На его лице была решимость — та, что появляется у людей, которые уже всё для себя решили.

— Вы не должны рисковать из-за меня. Он вас убьёт, — жалобно простонал я.

— Мы рискуем не из-за вас, а ради вашей семьи. Скорее поднимайтесь.

Гоша, мой тёзка, подал мне руку. Я отмахнулся — я могу и сам встать.

— Именем моего дома клянусь: ваши жизни будут отомщены.

С сердечной болью я объявил это — и отдал им честь. Затем перенёсся на ещё один холм, ближе к дому.

Я отдал бравых ребят на растерзание зверю. Я больше не имею права называться князем. Теперь я всего лишь отец, что хочет уберечь своих детей.

Эта ночь была не похожа на остальные. Город не спал. Люди активно суетились: кто-то уже поднимал восстание, требуя выдать изменников, кто-то шёл в добровольное ополчение, вспоминая, как хорошо жилось при власти Врановых, а большинство пряталось в многочисленных канавах и катакомбах. Стражники всюду занимали позиции.

А в замке творилось такое, будто сам царь придёт по наши головы. Все гвардейцы в лучшей броне расположились по периметру. Даже Симеон упросил, чтобы его одели в броню — мать поручила защищать усадьбу. Парень был этим явно недоволен и расхаживал туда-сюда. Глупыш хотел быть в первых рядах, показать, какой он взрослый. Он не понимал весь ужас, что надвигался на нас.

Я, конечно, не трус и всегда рад сразиться с кем-то своего уровня. Но я слишком много слышал о Первом отделе Инквизитория. Монстры, которых отправляют казнить самых высокопоставленных феодалов. У каждого, кого они убили, была собственная армия, множество союзников и сверхъестественные силы. Но самым пугающим был их капитан — в свои двадцать четыре года он уже прославился как лучший охотник в царстве, от которого невозможно скрыться.

— Брат, как ты можешь отсиживаться здесь? Я же знаю, ты тоже хочешь набить морды этим лжецам! — жалобно проскулил Сёма.

— Да, хочу. Но ещё я хочу, чтобы у меня был живой брат.

Семён надул губы и сел в мягкое тёмное кресло. Гостевая комната — возможно, не лучшее место для укрытия. Но усадьба находилась в самой дальней точке крепости. Если дела пойдут совсем плохо, отсюда легко попасть в подземные ходы, построенные нашими предками для отступления. Они проходили через скалы, на которых стояла крепость, и вели прямо к бурлящей реке Каменке, что текла через всё княжество. Говорят, в Великограде замок тоже стоит на скале, а внизу бурлит река. Наши предки любили строить на скалах. Может, чтобы быть ближе к небу. Может, чтобы дальше падать.

Тенью я улавливаю движение. Кто-то прибыл в замок. Гвардейцы его не трогают — это может быть только отец.

— Оставайся здесь, — сказал я Симеону. — Если что — знаешь, куда бежать.

Он хотел возразить, но я уже выбежал. Краем глаза заметил, как он сжал кулаки. Но остался. Впервые за этот день — послушался.

Я бегу к отцу быстрее, чем мысль.

Выходя из усадьбы, я вижу его. Мускулистый мужчина, заметно выше меня. Белоснежное лицо покрыто шрамами и сединой. Броня забрызгана кровью — не его. Он что-то активно обсуждал с матерью. Их голоса доносились обрывками: «...не успел...», «...брат...», «...нет времени...»

— Где мой брат?

— От него нет вестей.

— И он тоже... — поникшим голосом проговорил отец.

— Дети мои!

Наконец заметив нас, он тут же бросается обнимать и целовать сыновей. Его руки — те самые, что я помнил с детства — сжали меня с силой, которую я не ожидал. Я и сам рад его видеть. Рад, что он добрался сюда. Впервые за восемь лет — дома.

— Нам всем нужно уходить. — Мать отводит взгляд. Похоже, она согласна с отцом.

— И оставить наш дом? наших людей? — Я был обескуражен. Отец всегда был стойким, волевым мужчиной без страха. Похоже, столица изменила его. Или я просто не знал его настоящего.

— Ты не понимаешь. Даже если мы отобьём эту атаку, царь соберёт всё своё войско, чтобы убить нас. Нам нужны союзники.

И тут прозвучал горн.

Они добрались до города.

Я ныряю в тень. Бегу до стен крепости. Оттуда всё видно.

На лицах лучников — паника. Они не были готовы сражаться с отрядом профессиональных сверхлюдей. Стена, что должна была защищать город, разлетается в клочья. Отсюда не видно, сколько именно там людей. Но одно видно хорошо: они пробираются по городу слишком быстро. Здания разрушаются так, будто по ним бьют невидимой силой. Вопли стражи слышны даже здесь. Боюсь, никто из них даже не успел добраться до инквизиторов. Отсюда видны непонятные всполохи энергии, которые появляются то тут, то там. Ясно одно: инквизиторы хотят насладиться мелкой рыбёшкой перед тем, как приступить к нам.

— Парень, уходи отсюда. Боюсь, только твой отец может остановить их.

Ко мне обратился старый капитан, что когда-то пытался научить меня стрелять. Тогда я ненавидел старика за его нравоучения. Сейчас же боюсь за его жизнь. Я даже не знаю его имени. Он всегда был просто «капитаном». Человек, который учил меня держать лук. Человек, которого я ненавидел за то, что он заставлял меня делать то, что я не умел. Человек, который сейчас умрёт за меня.

— Мы встретим их вместе. — Я попытался ободрить его. Похоже, он заметил фальшь в моих словах. Он улыбнулся — впервые за всё время. И я понял: он знает. Знал, что я вру. Знал, что мы не победим. И всё равно остался.

— Смотрите! Смотрите!

Кто-то из лучников с особенно хорошим зрением указывал пальцем в небо.

— Целься! Залп! — прокричал капитан.

Море огненных стрел полетело вверх. И тут я увидел его.

Огромный темнокожий мужчина с белоснежными волосами летит прямо на нас. В его руке собрана невидимая энергия, которую он хочет запустить в замок. Он махнул левой рукой — и все стрелы исчезают, а в следующий миг направляются на нас.

— Беги, сынок! Беги! — успевает прокричать капитан.

Я ныряю в тень. Меня больше нет в их мире. Здесь я впервые пожалел, что не могу брать с собой в тень других живых существ. Стрелы падали не с такой скоростью, но даже тут многие уже пронизывали свои цели — медленно и постепенно проникая в тела бедных лучников. Я видел, как капитан принял три стрелы в грудь. Он упал на колени. Его глаза встретились с моими — на секунду, пока я пробежал мимо. Он что-то сказал. Я не услышал слов. Но по губам прочитал: «Научился». Или мне показалось. Он упал на спину. Я так и не узнал его имени.

Я замечаю, что возле усадьбы притягиваются все камни, из которых состояли стены. Отец создаёт купол вокруг себя и людей. Я бегу к ним, успевая в последний момент.

— Где ты был?! — успевает спросить мама, прежде чем огромная волна энергии бьёт по нам.

Я создаю из теней дополнительную защиту, но даже так энергия пробивает купол. Словно само пространство вдальблывает нас в землю. Меня оглушило. Звон в ушах не даёт сосредоточиться. Всё тело болит. Инстинктивно я успел создать тeneвую броню для тех, до кого дотянулись мои силы. Это не слишком помогло — тело стонет от боли.

Я смотрю на других. Тела валяются повсюду. Кто-то лежит под обломками. Стены замка разрушены, как и усадьба. Кто мог за один удар причинить столько разрушений?

Я вижу, как отец помогает матери подняться. Им сильно досталось. Брат тоже пытается встать. Выжило немного людей.

Я вижу останки повара, что готовил лучшую еду для нашей семьи. Бедные служанки, чьи части тел лежат по всему тому, что осталось от внутреннего двора.

И, о боже.

Афелия.

Моя бедная Афелия. Её волосы — те самые локоны, что намokли в пруду этим утром — теперь слиплись от крови. Корзина с бельём валялась рядом — простыни пропитались алым. Она уже не покраснеет, встретив мой взгляд. Не отведёт глаза. Не ускорит шаг.

Я убил сорок человек несколько часов назад. Я думал, что это весело. Что это утоляет голод. Сейчас я стою над телом служанки, которую даже не знал по-настоящему, и понимаю: это никогда не было весело. Это было... я даже не могу подобрать слово.

Виновник всего этого приземлился плавно, словно кто-то аккуратно спустил его с небес.

— Ух, хорошо пошло.

Тварь была рада всем смертям, что причинила.

— Гордей, прошу, дай уйти хотя бы моей семье.

Жалобно просил отец, стоя на коленях. Никогда бы не подумал, что увижу такое. Мой отец — воин, прошедший десятки битв — на коленях. Я видел его меч, что прошёл три войны. Сейчас он лежал на земле. Отец не тянулся за ним.

— Не-не, царь издал указ, что вся твоя семья — изменники. Убить целое семейство чистокровных феодалов — я и мечтать о таком не мог.

Только сейчас до меня дошло, кто передо мной. Гордей Патриашье-Пингвинион — ещё один великий князь. Он прославился на всё царство, когда в семнадцать лет дал достойный бой царю. Все боялись этого безумца, для которого любимое занятие — убивать.

— О, у нас гости.

Отвлёк меня от мыслей Гордей. Позади него стоял молодой мужчина среднего роста в чёрном пальто, под цвет его длинных кудрявых волос.

— Эй, полегче. Ты мог убить их этой атакой, — нежным голосом сказал капитан Первого отдела Инквизиции.

— Люблю эффектно появляться, — ответил ему Гордей.

— Именем царя вы все приговариваетесь к казни, — театрально развёл руками Даниил.

Отец поднял меч с земли. Я видел этот клинок всего пару раз в жизни — он висел над камином в парадном зале. Отец говорил, что этот меч прошёл с ним три войны. Сейчас он выглядел старым. Уставшим. Но рука отца не дрожала.

— Сыновья мои, надеюсь, вас научили драться.

Да будет бой.

Я вижу, как к нам подбегают люди. Последние из гвардии. Последние из слуг. Они готовы драться за своего князя до победного. Или до смертного.

Я создаю из тени два клинка. Брат уже в боевой стойке. Его руки дрожали — я видел это даже в темноте. Но он не отступал. В его глазах — впервые за этот день — не было улыбки. Только страх. И решимость. Глупыш наконец понял, что происходит.

Даже моя мать взяла неподалёку валявшийся меч — простой, солдатский, без украшений. Я никогда не видел её с оружием. Но то, как она взяла меч — уверенно, без колебаний, привычным движением — говорило: когда-то она делала это часто. Может, ещё до моего рождения. Может, в другой жизни, которую она никому не показывала.

Я видел её руки — они не дрожали. Я видел её глаза — они смотрели на отца.

Она подошла к нему. Положила руку на плечо. Тот самый холодный взгляд, которым она смотрела на нас с балкона, сейчас был направлен на мужа. Но в нём было что-то ещё.

— Ты опоздал, — сказала она. Без упрёка. Констатация.

— Знаю, — ответил он.

— Но ты вернулся.

Она взяла меч обеими руками. И встала рядом с ним. Плечом к плечу. Как, наверное, стояла двадцать четыре года назад, когда они только начинали.

— Начнём же, — сказал Гордей.

И мир погрузился в хаос.

Тьма окутывает меня

Мы сошлись в смертельном танце. Никогда прежде я не участвовал в такой ожесточённой драке. Большую часть атак принимал отец. Он снова и снова сходилась то с Гордеем, то с Даниилом.

Все мои атаки даже не доходили до цели. Я бил своими тенями по Гордею — он менял их направление в пространстве, и они летели в гвардейцев. Я попытался ударить с двух сторон одновременно, зайти из слепой зоны — он даже не обернулся. Просто махнул рукой, и мои клинки развернулись в воздухе, вонзившись в каменную кладку. Гордей улыбнулся. Он играл.

Энергетические всполохи появлялись из ниоткуда — это Даниил вырезал из времени свои удары. Ты видишь только результат: гвардеец падает с рассечённой грудью, а меч ещё не начал движение.

Симеон напустил всюду тумана. Он пытался атаковать врага неожиданно — возникал то слева, то справа, то за спиной. Но Гордей даже не смотрел в его сторону. Просто менял его расположение в пространстве, и брат снова оказывался там, откуда начинал. Раз за разом. Я видел, как на его лице — всё ещё детском, всё ещё пухлощёком — проступает отчаяние. Он не мог даже приблизиться.

Они играют с нами. Используют свой минимум. Не нанесли ещё ни одного серьёзного удара — потому что не хотели. Они растягивали удовольствие.

Отец был единственным, кто хоть как-то мог противостоять им. Он притягивал всё, что попадалось под руку: камни, доски, обломки стен — но каждый раз Гордей менял местоположение объектов. Они летели мимо, врезались в пустоту, падали на землю. Отец рычал от напряжения, магнетизм гудел в воздухе, но этого было недостаточно. Недостаточно.

— Слабо, — Гордей одним хлопком в ладоши выпустил энергетический всплеск.

Даниил появляется за спиной матери и пронзает её своим мечом.

Крик боли заглушается моим собственным.

Я не видел, как она упала. Только услышал — тихий выдох, почти удивлённый. Словно она не ожидала. Словно думала, что её не достанут.

Сердце пронзает боль. Слезы затмевают взор. Все тени, что были поблизости, превратились в сотни шипов и полетели в сторону врагов. Пространство схлопывается, и кулак Гордея летит в меня, отправляя моё тело в полёт.

Я падаю в груды тел, обломков — всего того, что я звал домом. Жгучая боль проходит по всему телу, я задыхаюсь, в глазах темнеет. Впервые я чувствую страх, первобытный страх. Я не могу и пальцем двинуть.

Лёжа, я видел ярость отца. И брата.

Симеон упал на колени рядом с телом матери. Он не кричал, не плакал. Его лицо застыло — не маской, а чем-то хуже. Пустотой. Он гладил её по волосам — тем самым светлым волосам, которые она никогда не позволяла трогать. Сейчас она не могла ему запретить.

Он что-то шептал. Я не слышал слов. Но его губы двигались — беззвучно, как у молящегося.

Смех Гордея разносится по двору.

— Я убью тебя! — кричит отец, нанося бессмысленные атаки. Обломки летают по всему пространству. Даниил закольцевал их во времени, они постоянно двигаются по одному маршруту, не доходя до цели.

Из последних сил я тянусь тенью к брату — нужно создать щит вокруг него. Хоть что-то. Хоть как-то. Моя тень ползёт по земле, медленно, слишком медленно, я подгоняю её мыслью, я кричу на неё без голоса — быстрее, быстрее, быстрее!

Но один миг, и тело брата содрогается в конвульсиях.

Его рука лежит отдельно от тела.

Я не успел.

Даниил из ниоткуда появляется передо мной.

— Воронёнок остался без гнезда, — изумрудное лезвие его клинка смотрит в мою грудь.

— Хочешь — убей меня прямо сейчас.

Я хотел, чтобы это прозвучало гордо. Как вызов. Как последнее слово перед смертью. Но голос дрогнул на первом же слоге. И он это услышал.

Он отвёл лезвие в сторону, его зелёные глаза буравили меня. Я испытывал лишь страх перед ним. Моё тело не слушалось, я не мог использовать способности, даже сказать ничего не мог.

— Нравишься ты мне. Убью последним.

Отец попытался ударить Гордея. Последняя атака. Последняя надежда. Но его тело тут же было перемещено в пространстве к Даниилу, который лёгким мановением руки срезал ему голову. Тело отца упало на колени, его голова покатила ко мне. Его красные глаза смотрели на меня с отчаянием. Он умер, зная, что не смог защитить никого.

Адреналин ударил в голову. Я побежал к обрыву, не понимая, что делаю. Моё переломанное тело несло в последней попытке спастись. Обрыв близко. Если упасть в воду, может, судьба смилует надо мной. Но холодная сталь жадно пронзает моё тело, впиваясь во внутренние органы. Окровавленное лезвие торчит из груди. Не могу дышать, ноги подкашиваются.

— Я убиваю всех своих жертв, — шепча мне на ухо, Даниил вытаскивает меч.

Я падаю. Тело летит вниз. Всплеск воды был последним, что я услышал, прежде чем тьма окутала меня.

Детская комната всплывает из моих воспоминаний. Она расплывчата, но я замечаю мои детские рисунки, любимые игрушки, стол, на котором я исписал не один лист. Маленькая София сидит рядом со мной — я так давно её не видел. Я ей что-то рассказываю: о том, что вчера впервые проник в тень. Она внимательно слушает, задаёт всё новые и новые вопросы. Затем я прошу ещё раз показать её магию, что так завораживала меня в детстве. Из её рук появляются пузырьки воды — маленькие и очень красивые. Они блестят голубым цветом, так же как её глаза. Из капель появляются два ручейка, что стекают на пол. Поток становится всё сильнее, он быстро заполняет комнату холодной водой. Мне страшно, я не могу пошевелиться. Вода доходит до потолка, я тону, но Софья не останавливается, она не замечает ничего вокруг. Я тону, моё тело перестаёт биться в конвульсиях. Тьма окутывает меня.

Мне двенадцать. Внутренний двор замка, вся челядь собралась, чтобы посмотреть на нас. Мой дядя Димитрий разминается перед тренировкой — тучный мужчина с вьющимися чёрными волосами до самых плеч. Он спрашивает, готов ли я. Я отвечаю «да». Мы сходимся. В бою одно правило: не использовать свои силы. Дядя не жалеет меня, бьёт с разных углов. Несмотря на свои габариты, он всё так же проворен. Я отбиваю удары как могу. Деревянный меч бьёт меня по коленям, по плечам. Резким толчком в грудь дядя валит меня. Это его не останавливает, он бьёт всё сильнее и сильнее. Я кричу о помощи, но никто не слышит. Я чувствую, как ломаются кости — или мне кажется, что ломаются, но боль такая настоящая, что я не могу дышать. Позже я узнал, что дядя действительно любил меня. Но на тренировках его сила — его Ярость — вырывалась из-под контроля. Он не хотел меня калечить. Просто не мог остановиться. Захлёбываюсь в собственной крови. Тьма окутывает меня.

Мне тринадцать. Я просыпаюсь от шума в соседней комнате. Слышу скрип половиц и перешёптывание незнакомых мне голосов. Осторожно подкрадываюсь к двери, совсем немного приоткрываю её. Слышу детский вопль, а затем крик боли. Из комнаты сестрёнки выбегают незнакомцы. Их одежда залита кровью, один держит в руке окровавленный мешок — с него капает что-то тёмное, густое. Я не хочу знать, что там. Я вижу отца, что впечатывает их в стены,

мать, чей крик оглушает. От страха я закрываю дверь. Пытаюсь отдышаться, но не могу. Я задыхаюсь. Тьма окутывает меня.

Мне пятнадцать. Я стою вместе с матерью, встречаем гостей. Высокий мужчина с дочкой, моей ровесницей. Чёрные волосы уложены в пучок, голубые глаза периодически посматривают в мою сторону. Пухлые губы приветливо улыбаются мне, небольшая грудь виднеется из-под декольте. Розовое платье до самого пола. Мать предлагает пообщаться нам вдвоём, пока они обсуждают деловые вопросы. Мы гуляем по двору. Она смеётся над каждой моей шуткой. Я предлагаю ей подняться на моё самое любимое место — заброшенную смотровую башню. Помогаю ей подняться. Она улыбается, говорит, что не видела места прекрасней. Я нежно обнимаю её за талию и целую в губы. Она начинает раздеваться, я не понимаю, как реагировать. Она оголяет грудь, у меня начинается паника. Я краснею, как же стыдно. Я даже не помню её имени. Мать представляла нас, но я не запомнил. Мне нечем дышать, я падаю на пол, бьюсь в конвульсиях. Тьма окутывает меня.

Мне семнадцать. На моих глазах хладнокровно убивают всю мою семью, я не могу ничего сделать, враг намного сильнее. Я бегу прочь, спасая свою шкуру, но меч врага протыкает меня насквозь. Я падаю в ручей, начинаю захлёбываться кровью. Тьма окутывает меня.

Я падаю по воспоминаниям, где я беспомощен и не могу ничего сделать. Снова и снова, каждый раз они причиняют мне всё больше боли. Наконец-то я приземляюсь на пол. Темно, ничего не видно. Я не ощущаю, что подо мной. Жуткие звуки начинают разноситься по этому месту. Мне очень страшно, руки дрожат, тело покрывается мурашками. Отовсюду на меня начинают смотреть тысячи чьих-то глаз. Из тьмы появляются силуэты жутких монстров разных размеров и форм. Они расступаются перед высокой фигурой. Я вижу её ярко-белоснежные глаза, что изучают меня. Фигура подходит ближе. Я вижу серую кожу, губы чёрного цвета, чёрные длинные волосы, спадающие на плечи. Он тянет ко мне руки. Его длинные серые пальцы хватают меня за горло. Он без каких-либо усилий поднимает моё тело.

— Больно, да? Быть беспомощным. Полагаться на волю случая, надеяться, что жизнь смилуется над тобой, — жутким голосом говорит создание. Оно отпускает моё тело. Это создание было выше меня на пару метров уж точно. — Но жизнь сурова даже к таким людям, как ты. Столько боли вытерпел за свою короткую жизнь, а в конце тебя ждала лишь смерть.

— Кто ты? — смог дрожащим голосом промолвить я.

— Я твой друг, единственный, кто решил протянуть тебе руку помощи. — Театрально он протягивает руку в мою сторону.

— Но я умер. — Действительно, неужто я в загробном мире.

— Умер? И умер. С кем не бывает, — пожимая плечами, говорил гигант.

— Ты дьявол, — в страхе произнёс я.

— Ха, я круче. Я Ворум.

И тут до меня начинает доходить: Ворум — бог ночи, один из старших богов, которым поклоняется всё Великое царство Руммед.

— Прости меня, грешного, за все мои грехи, — падаю я ниц. Я никогда не верил в богов, и, похоже, за это меня ждёт наказание.

— Давай без этого. Всё равно одним покаянием твои грехи не отмыть.

Мои уши начинают краснеть. И всё же я начинаю успокаиваться, всё же этот бог очень добр ко мне. Я встаю во весь свой рост, но даже так моя голова была на уровне паха Ворума.

— Ой, прости, забыл, насколько люди маленькие, — щёлкнув пальцами, Ворум резко уменьшился в размере, став одного со мной роста.

— Так-то лучше, — проговорил он.

— Скажи, ты хочешь жить? — положи руку на плечо, молвил Ворум.

— Но как? Моя семья убита, а я изменник родины.

— Малец, скажу тебе как тот, кто прожил пару миллионов лет: жизнь — это череда трагедий и побед. Ты будешь падать снова и снова, но каждый раз ты будешь оказываться всё выше. — Мотиватор из него некудышный. — Этот мир прогнил с того момента, как мы оставили его вам. Ты хочешь изменить мир?

— Да больно надо. Не моя специальность. Я хочу спасти его. Надвигается буря, сынок, а я даже не могу проникнуть в ваш мир, лишь наблюдать.

Ворум щёлкает пальцами. Мир гаснет.

Я стою посреди Вранска. Но он не мой. Не тот, который я знаю. Улицы залиты чем-то чёрным, а небо... неба нет. Вместо него — огромная тень.

Она дышит.

— Это не сон, — говорит Ворум у меня за спиной. — Это черновик. Один из многих.

— Что это?

— Твоя работа, если провалишь.

Почему-то я верил словам Бога (если это, конечно, не предсмертная галлюцинация).

— Но почему ты выбрал меня? При жизни я не сделал ничего хорошего, а теперь я вообще мёртв.

— Ты не видишь того, что вижу я, — улыбаясь, сказал мой новый друг.

— И что же ты видишь?

— Потенциал.

Я хотел спросить, что он имеет в виду. Но темнота расступилась — и я очнулся на берегу реки. Одежда вся промокла, было холодно и страшно. Но не было боли там, где должна была быть сквозная рана. Был странный узор в форме шара, что походил на луну. И всё же я жив, а это главное.

Я содрогался от холода в тёмном еловом лесу, где меня пугали каждые шорохи. Всё моё естество кричало, что я здесь чужой. Тело, привыкшее к каждодневному уходу и домашней теплоте, негодовало, требуя вернуться домой. Но дома не было — ничего из того, что я привык считать домом: приветливых слуг, стражи, что денно и ночью защищала наши жизни, благородного отца, любимой матушки, весёлого братишки. Все мертвы. И я должен быть мёртв, но, похоже, судьба имеет на меня планы. Судьба по имени Ворум.

Протяжный вой отвлёк меня от мыслей. С множества сторон доносятся чьи-то активные движения. Волки. Я ныряю в тень, точнее — плюхаюсь об землю. Я не чувствую сил. Хорош, Исаак, умрёшь сразу после воскрешения. Надеюсь, ещё какой-то бог решит использовать тебя в своём великом плане. Волчья стая уставилась своими голодными глазами на моё худощавое тело. Да, парни, славный пир сегодня будет у вас.

— Не бойся их, — где-то из-за спины слышался знакомый голос моего спасителя.

— Что?

— Ты теперь ночное создание, как и они. Если бы они хотели, они бы уже набросились на тебя.

Если бог говорит такое, то можно уж поверить. Я протягиваю руку в знак того, что я друг. Самый смелый из волков приближается ко мне, продолжая рычать. Быстро обнюхав мою руку, он начал активно её облизывать. Словно по сигналу, другие волки, перестав рычать, подбежали ко мне и начали ластиться.

— Да у меня рук на вас не хватит.

— Новые друзья. Теперь люди — твои враги, а все твари, коих ты всю жизнь боялся, — твои братья. Ты теперь человек ночи, — возле одной из ёлок образовалась фигура Ворума.

— Что это значит?

— Ты теперь обладаешь частью моих способностей. Ночью ты становишься значительно сильнее, да и так ты стал крепче. Всё ночное зверьё теперь в твоей власти, да и так, по мелочам.

— Как-то не густо для божественных способностей, — всё ещё поглаживая волков, заметил я.

— А ещё лишь благодаря мне ты живой и можешь прожить долгую и счастливую жизнь, — сказав последние слова, мой собеседник удалился по своим божьим делам. Вторя ему, волчья стая также покинула меня. И снова я остался один в тихом лесу. Лишь урчание моего живота разносилось по окрестности. Лес — это вам не большой стол, за которым мы сидели всей семьёй. Поток слёз охватил меня ненадолго. Я вернулся к жизни не чтобы оплакивать павших. Во что бы то ни стало я отомщу, и все причастные умрут жестокой смертью. Но не сегодня. Я блуждал по лесу несколько минут или часов — в лесу перестаёшь понимать, сколько прошло времени. Всюду ёлки и ёлки, глазу даже не за что зацепиться. Я вспомнил, как Симеон жаловался, что в замке холодно. Там было жарко натоплено. Он просто не знал, что такое холод. Сейчас он уже никогда не узнает. Голод всё сильнее и сильнее сковывал мои движения. Я словно не ел целую вечность. На одном из шагов я запнулся, и моё тело кубарем покатилося по склону. Я погрузился в сон. Проснулся я возле какой-то пещеры, где текла мелкая речушка. Из последних сил я медленно пополз к пещере согреться. Внутри было немногим теплее. Всё ещё дрожа от холода, мысленно я молился о начале следующего дня.

— Хоть костёр разведи, — снова из ниоткуда появился Ворум, напугав меня до визга.

— У меня еле хватило сил досюда доползти. Почему я так голоден?

— Теперь в тебе гораздо больше энергии, и поддерживать её надо большим количеством еды.

Советы ничем мне не помогли. Я, свернувшись калачиком, решил переспать эту ужасную ночь, надеясь завтра при свете дня найти себе пропитание в этом дурацком лесу.

— Используй способности, — это были последние слова, сказанные Ворумом, прежде чем он вновь испарился. Не поняв смысла его слов, я закрыл глаза в тщетной попытке уснуть. Мысли наваливались одна за одной. Я за эту ночь успел пережить больше, чем за всю жизнь. Мой мозг бился в тревоге: всё, что я знал, теперь не имело смысла. Наследник великого княжества валяется голодный в холодной жуткой пещере. Заснуть в таком месте даже здоровому человеку нелёгкая задача, себя же здоровым я теперь не могу назвать. И всё же я решил прислушаться к словам моего единственного оставшегося друга. Медленными движениями я опёрся о стену.

— Прошу, ночные звери, помогите.

Ха-ха, самому не верится, что я сейчас делаю. Конечно же, никто меня не слышал, а если и слышал, то не понимал, что я от него требую. И всё же это всё, на что я способен в данной ситуации. Я снова и снова повторял слова о помощи, с каждым разом всё тише. Когда я уже не мог произнести ни слова, а тело окончательно ослабло, больно упав на твёрдый камень, мои слова наконец были услышаны. Возле моего лица приземлилась сова, что не моргая смотрела своими большими глазами на моё ослабшее тело, больше походившее на покойника. В клюве она держала, о господи, дохлую мышь, которую кинула мне в лицо. Она была мерзкая, воняющая помоями, но в тот момент я перемолотил её, не поморщившись, съел всё до костей. Мне стало мерзко, потянуло изрыгнуть только что съеденное, но я приложил все силы, чтобы это осталось в моём желудке. Сова вспорхнула надо мной и полетела по своим делам. Но на этом мои гости не прекратились. Одноухий волк подбежал ко мне, в зубах он держал дохлую белку — уже лучше мыши. Я уже смог двигать рукой, быстро забрал своё лакомство. Я съедал всё: шерсть, мясо, кости, даже глаза и хвост были съедены мной. А животные приносили всё новые и новые подарки. Самое вкусное, что там было, — пожалуй, рыба, которой я раньше брезговал. Постепенно силы возвращались ко мне. Сначала я смог встать, а затем почувствовал, что моя связь с тенями была восстановлена. Я тут же накрыл моё импровизированное убежище тeneвым куполом. Звери начали приносить сухие палки и хворост для костра. Они уселись

поудобнее возле меня. Кого здесь только не было: волки, лисы, разные птицы, барсуки. Да уж, Исаак, ты стал лесной принцессой из детских книжек.

— Неплохо, — усевшись возле животных, промолвил Ворум.

— Зачем ты исчезаешь и так внезапно появляешься, пугая меня до чёртиков? — погло- живая уснувшую у меня на коленях лису, промолвил я.

— Это эффектно. Как самочувствие?

— Как будто заново родился. Скажи, способность жрать всякую дрянь тоже входит в перечень моих сил?

— Дрянь? Не называй так еду, что так трудно добывать.

— Она отвратительна.

— Отвратительна твоя слабость.

А вот это уже укор в самое сердце. На это у меня уже не было ответа. Я взял два непо- далёку лежащих камня и начал бить их друг о друга, стараясь искрами зажечь костёр. Хоть и далеко не с первого раза, но ветки разожглись.

— Удивлён. Я ходил несколько раз в походы ещё в детстве, — обратился я к Воруму.

— Да нет, я видел каждый твой прожитый день.

— Прямо каждый? — он начинал вгонять меня в краску. На это он лишь улыбнулся.

— Куда отправишься?

— В город, — с ухмылкой ответил я.

Старый Воронград

Не так-то просто добраться до города, не зная ни местности, ни карт. Я за свои семнадцать с небольшим лишь пару раз выбирался в другие города, да и то с большой процессией. И мне как-то было не до того, чтобы запоминать местность за окном. Даже когда преподаватель пытался меня обучить картографоведению, я лишь зазубренно пересказывал местоположение рек, озёр и городов, не откладывая весь этот материал у себя в голове. Теперь же я крайне жалею о своей беспечности. В лесу мне помогала лишь моя новая особенность приручать всякую живность, что в этом месте разбиралась гораздо лучше меня. Выходил наш контакт на каком-то интуитивном уровне, этому не было нужды обучаться, всё шло от сердца. Животные понимали меня, а я их. Вот как сейчас, когда я разговаривал с местным альфа-вожаком из стаи волков, узнав, где находится ближайшее людское поселение. И нет, он не разговаривал со мной, как истинный человек. Нет, весь его словарный запас ограничивался всевозможными звуками воя, которые, тем не менее, я понимал, словно был лингвистом, знавшим множество языков всевозможной живности. Поселение было легко найти, если держаться весь путь возле реки Каменки, в которую пару недель назад плюхнулось моё тельце. Вместе с волчьей процессией мы пустились в поход. Самого большого и массивного кобеля я использовал в качестве транспорта. Мою тушку он даже не ощущал, ловко перепрыгивая через все возможные преграды. Наконец начали мерцать огни и шум, что выдавал населённый пункт. Город находился на открытой местности, за несколько сотен метров от леса, на возвышенности. Из леса хорошо были видны импровизированные стены из частокола. Мои товарищи остановились неподалёку от места, где кончался лес. Вожак проскулил о том, что они не будут выходить на местность, где их могут заметить люди. Я, прекрасно понимая их опасения, почесал за ухом каждого из волков и отправился своим ходом. По дороге я начал обдумывать свой дальнейший план действий. Очевидно, что мне нельзя светиться, никто не должен узнать во мне бывшего наследника княжества. Благо, как я говорил, за столицу я выбирался крайне редко. А всем известные черты Врановых — белоснежная кожа, чёрные, постоянно спутанные волосы и самое заметное, ярко-красные глаза — встречались в Врановере повсеместно. Ведь за множество столетий мои предки успели заделать с гору бастардов. Так что я надеялся, что меня примут за ещё одного, списав на внебрачного отпрыска одного из моих дядь или же моего отца (который, разумеется, как истинно благородный человек, не стал бы спать ни с кем, кроме своей жены). И всё же простолюдины любят разносить слухи, черня честь благородных феодалов. Да вдобавок я настолько был грязный, а вся моя одежда, которая теперь совершенно не походила на что-то утончённое, была в многочисленных дырах. Так что я был сейчас похож на босоногого бездомного. Я даже обувь снял для правдоподобности, хоть из-за этого мой путь стал чуточку больнее. А касаясь планов, то в первую очередь я собирался найти какую-то харчевню, где за пару грошей, оставшихся от прошлой жизни, мог бы купить себе пропитание. К городу шла большая процессия: паломники, скитальцы, торговцы. Разумеется, я решил затеряться в их толпе, ведь, как известно, стражники не любят осматривать большое скопление людей, а вот одинокий, так прискорбно выглядевший, уж точно не укрылся бы от их взора. Медлительная толпа и не заметила пополнение. Я делал вид, будто молюсь, чтобы ко мне было меньше вопросов. Подумаешь, человек из столицы после пережитого ужаса решил перебраться в тихое место. Благо такой я был не один — целые семьи, все в рванье, плача шли к своему новому дому. А ведь это мои люди, которых я должен был защищать, подумал я, но недолго, ведь я услышал бурчание спереди. Стража не пускала никого в город.

— Город закрыт, время видели! Вас и так в последнее время как мух поналетело тут, — грубым тоном проговорил самый важный из стражи. На вид очень мерзкий человек: зубы кривые, один глаз косит, борода торчит как попало. Брр, в столице ему бы даже отхожее место

не дали охранять. Толпа отвечала ему непонятным гулом, все голоса смешались в рокот, и не было понятно, чего требуют эти люди. Я же, не выдержав всего этого шума, нырнул в тень спреди стоящего человека. Дело было рискованное, но люди настолько были заняты отстаиванием своих прав, что навряд ли заметили пропажу такого незаметного человека, как я. Я пошагал по теневому миру как хозяин. Здесь стража не замечала, как я прохожу через них. С помощью теневых, назовём их верёвок, я перебрался через небольшие ворота. Спрыгнув, мне открылся вид на весь этот недогород. Мой глаз, привыкший к строгой красоте столицы, был разочарован. Никаких дорог здесь не знали, вместо них — грязь до самых колен. Вместо красивых многоквартирных домов — наспех сделанные деревянные бараки, многие из которых так и норовили упасть. Все эти дома облепляли холм, который, судя по всему, был местным центром. Старый храм был главным объектом на этом холме. Он даже сейчас был вполне неплох, а по местным меркам так и вовсе чудо света. С моего места ещё была заметна статуя великого царя-прародителя Феникса. Но в центр мне не нужно. Мне нужно было какое-то место да поболаготочнее, где за гроши я мог бы утолить свой голод и насладиться нормальной едой, а не всякой падаley. В одном из безлюдных переулков я вышел из тени. Всё же в теневом мире это место становилось гораздо хуже. Сейчас же, в ночной темноте, что освещали лишь пара фонарей, это место имело какую-никакую атмосферу. Я двигался по звукам чрезмерного веселья, пробираясь по узким улочкам. Наконец выйдя к средних размеров зданию с вывеской «Маленькая Пони». Не успев зайти, я тут же замечаю местный контингент, который выглядел хуже меня: вонючие, в лохмотьях, они были изрядно пьяны.

— Мелочи не найдётся, сударь? — обратился ко мне, судя по всему, самый трезвомыслящий. Я не успел ответить, как это существо изрыгает на мои ноги всё, что он выпил за сегодня.

— Прошу прощения, — всё ещё вежливым тоном обращается ко мне сволочь.

А из кабака тем временем вылетело чьё-то пьяное тело. Выкинул его здоровенный мужчина в белом фартуке, что, судя по всему, был хозяином заведения.

— Чо надо? — грозно спросил он у меня, да так, что я на время растерялся.

— Еды и попить чего-нибудь, — жалко промолвил я.

— Деньги есть? — я утвердительно кивнул.

— Ну так заходи.

С этими словами хозяин удалился, а за ним побрёл и я.

— Несправедливо, — вслед произнёс алкаш, заблевавший мне ноги.

Тогда я и не понимал, как сильно изменит мою жизнь этот кабак.

Место «Маленькая Пони» было не из приятных. Зайдя сюда, первым я почувствовал яркий запах спиртного вперемешку с запахом местных посетителей. Все как на подбор: грязные, лохматые, жутко вопящие во всю глотку существа. Всё моё естество противилось этому месту. Оно и понятно, я провёл не одну ночь за убийством таких же доходяг, а теперь мне предстояло делить с ними кров. Никто из них даже взгляда не кинул в мою сторону, и неудивительно: представители местной фауны отличались своими габаритами и вширь, и ввысь, и такой доходяга, как я, просто затерялся среди их могучих спин и ещё более могучих животов. Оно мне и на руку, не время привлекать внимание. Я семенил возле столов, что прогибались от всевозможной выпивки: пива, мёда, эля, водки. Не летнее вино из отцовских запасов, конечно, но в голову неплохо даёт. Большой верзила в фартуке протирал бокалы за лавкой. Его острые глаза вцепились в моё тело и не собирались отпустить. Я приблизился к нему, несколько мгновений прошло, прежде чем я решился что-то сказать.

— Бокал пива и чего-нибудь перекусить. — Я положил горсть медяков на стол. Этим жестом я словно успокоил хозяина заведения, и тот, забрав горсть, принялся наливать мне бокал. Рядом со мной посапывал один из местных завсегдатаев, но стук бокала об стол прервал его сонные похождения.

— Ты кто такой? — жмурясь, простонал человек лет двадцати с хвостиком. Прожив такую недолгую жизнь, она успела вдоволь поиздеваться над ним: зубов менее дюжины, нос переломан бесчисленное множество раз.

— Отстань от парня, брат, — обратился к нему хозяин. На братьев они были совершенно не похожи. Скорее всего, это было следствием разного выбора смысла жизни. Пока один брат довольствовался всеми пороками жизни, другой предпочёл продавать эти пороки.

— Да я ж просто знакомлюсь.

— Обычно твои знакомства заканчиваются переломанным носом, в основном у тебя.

— Ой, хватит. Парень, ты ж не собираешься меня бить? — От такого вопроса я на время аж растерялся. Навряд ли этот мужчина видел во мне равного соперника. А может, он что-то почувствовал во мне?

— Нет, что вы. — Не дав договорить, мой сосед по стойке поднял бокал.

— Ну вот, будем знакомы. Витя. А это мой младший брат Вова.

Последние слова немного удивили меня, ведь на вид как раз Вова казался старшим. В свои годы он успел потерять все волосы на голове, обзавёлся множеством морщин, а его хриплый голос уж точно не давал сомнений, что ему давно перевалило за сорок.

— Он младший? — кивнув в сторону Вовы, спросил я.

— Да, недавно девятнадцать исполнилось.

После этих слов я выпил из кружки половину пива, поняв, что совершенно не понимаю, что здесь происходит, и лучше вся эта информация будет усваиваться в пьяной голове, чем в трезвой.

— Это всё из-за постоянного стресса и чрезмерного трудолюбия, — прочеканив как тост, Витя принялся за свой недопитый бокал.

Я же наконец перешёл к тому, ради чего вообще заявился в это место. К пиву мне подали большую палку копчёной колбасы. Никаких столовых приборов к ней не прилагалось, из-за чего я жадно поедал её из собственных рук. Витя удивлённо уставился на меня, это было даже как-то неловко.

— Откуда ты такой голодный-то взялся? — ещё раз оглядев меня с головы до пят, он продолжил: — Из столицы, поди? Да, сеча адская была, даже до нашей дыры новости дошли. Жалко вас, бедолаг, из-за предателя лишились всех пожитков. Ну, Вов, за счёт заведения налей пареньку.

— Но... — начал возражать против щедрости брата Вова.

— Без всяких «но».

— Что вы, не нужно, — слукавил я. Продолжения сего пира я очень хотел, но что зря меня все эти годы учили правилам этикета?

— Не, парень, я был на твоём месте, без гроша в кармане. Тогда мне никто не помог, дай хоть тебе помочь.

А Вова уже поставил возле меня бокал побольше и ещё больше закуски.

— Ничё, новый князь придёт, вот тогда заживём. Давно пора.

— Новый князь? — не дал ему договорить я.

— Эх ты, пустая голова, Димитрий Вранов будет коронован самим царём, как только заново отстроят замок.

Эти слова поразили меня до самой глубины души. До этого момента я считал, что дядю и всю его семью постигла та же судьба, что и нас. Ведь в письме чёрным по белому было написано, что все родственники князя будут объявлены изменниками и будут казнены. Таков древний закон Руммеда: семья всегда отвечает за грехи своих членов. Только если... боясь этих мыслей, я снова потянулся за стаканом. Сначала надо всё разузнать, а уже потом принимать решение. Дядя Димитрий, несмотря на свой не самый чистый нрав, очень любил всю нашу семью. Именно он обучал меня боевому искусству и помогал обуздать свои способности, когда

отец помогал править царю. Я мог сказать, что с какого-то момента он заменил мне отца. И всё же он не пришёл нам на помощь в самый ответственный момент. Да, конечно, его удел находился в нескольких днях езды от Вранска, но он даже не ответил на письмо матери о помощи. От размышлений меня снова отвлёк назойливый Витя. Он поднял свою кружку, показывая, что готов к ещё одному тосту.

— Чё такой кислый? — спросил озадаченно, насколько мог пьяный человек. — Давай выпьем. За царя! — Он огляделся по сторонам и повторил громогласным голосом: — ЗА ЦАРЯ!!!

И весь кабак взорвался громогласными возгласами, повторяющими «За царя!». Даже непьющий Вова громко повторял за всеми. Да что уж, я сам что есть мочи кричал тост, прославляющий царя. Его любила вся страна, старики говорили, что он был лучшим царём за всю их долгую жизнь. Защитник нашей отчизны, избавитель от всех невзгод. Тот, на кого надеялись все эти люди. И не беспочвенно, ведь именно он избавил нас от деспота Григория Грозного, одолел многомиллионную орду монстра Чингисхана, а также останавливал все возможные конфликты и восстания, что не раз вспыхивали по всему царству за его двадцатипятилетнее правление. Но самое главное — он подарил царству тринадцать лет мира, что так нужно было людям Руммеда. И хоть я, к сожалению, и не застал его самые главные подвиги, я постоянно просил отца рассказать о каком-нибудь приключении царя. И он рассказывал, ведь во всём царстве не найти было такого преданного сторонника короны, как Георгий Вранов. Оно и неудивительно, ведь благодаря царю отец в принципе получил свой престол. Ведь если бы Владимир Девятый Пламенный не убил узурпатора Константина из давних времён, не было бы ни отца, ни меня. Да, по сути, я обязан Царю своей жизнью.

Дальше всё как в тумане. Мы с Витей опустошали один бокал за другим, произносили всё более и более дурацкие тосты. Витя рассказывал о своём тяжёлом детстве с братом, как ему удалось открыть этот кабак, как его жена, когда-то работающая здесь, начала спать с клиентами, как, узнав об этом, он прогнал её, и теперь Вова — единственный работник этого заведения. Всё это привело Витю к выводу, что дно бутылки теперь его новый дом, а так до этого он даже не прикасался к пойлу. Я лишь кивал в ответ. История, конечно, грустная, но моя голова занята моим горем, и думать о чужом я не собирался. Когда мы совсем опьянели, мы начали заводить народные песни, чьи слова откуда-то всплывали в моей голове, а затем и вовсе пустились в пляс. Нам вторил и весь остальной народ. Мы кружились в хороводах, вертелись и кружились. Впервые за время своей второй жизни я почувствовал себя счастливым. Среди пьяниц и жуликов, бандитов и шлюх. А ведь когда-то я их всей душой презирал. Время от времени я замечал на себе осуждающий взгляд Ворума, что сидел поодаль от людей и негодовал от того, чем занят его избранник. Мне было плевать, наконец-то я чувствую себя живым. Может, счастье именно в этом: не париться и жить в своё удовольствие. Я и не заметил момента, когда я один остался кружиться в танце. Все же остальные молча глазели мне куда-то за спину. Я и не понял, пока не повернулся к двери. Я стукнулся своей головой о чью-то могучую грудь. Поднял свои глаза вверх: передо мной предстал высокий мужчина на полголовы выше меня. Он был невероятно могуч, одежда облепляла его накачанные руки и ноги, показывая каждый мускул его тела. Он имел ярко-рыжие кудри волос, падающие на его грудь. Щетина обрамляла его обточенные скулы, а ярко-оранжевые глаза строго лицезрели весь тот бардак, что творился в заведении. Было понятно одно: этот человек держит в страхе весь этот кабак. Даже самые здоровенные из местных выпивох тихо садились на свои места, стараясь не смотреть в его сторону. Даже вечно разговорчивый Витя тихо переминался с ноги на ногу на своём месте. Моё тело охватила тревога. Ох, чуйка подсказывает: недобрый он человек, раз его боится даже местный контингент. Хотел бы я оказаться где-то вдали от него, за укромным столиком. Но его глаза уже были направлены в мою сторону. Хотел было я извиниться, как желудок подвёл меня и опорожнил всё своё содержимое, что было надето мной за эту неделю,

прямо на этого жуткого господина. Я блевал обильно и мощно, а закончив, увидел, как начали гореть в ярости глаза незнакомца.

— Ох, малец, — успел услышать я слова Вити, прежде чем облёванная верзила со всей своей недюжей силой опрокинула моё тело через своё левое плечо, прямо на холодную и грязную улицу. Не успел я опомниться от боли, как заметил, что незнакомец начал двигаться в мою сторону. Ох и попал ты, Исаак, успело промелькнуть у меня в голове.

Огонь и тени

Ночка у кабака «Маленькая Пони» выдалась жаркой. В пьяном угаре я пытался понять, что делать в сложившейся ситуации. Моё тело валялось в грязи, а в мою сторону двигался здоровенный мужчина. Я всё ещё корчился от боли, когда кожаный сапог залетел мне под дых. Я потерял способность дышать. Мои рёбра гудели, возвещая о боли. Мой противник схватил моё тело, а затем что было силы кинул меня в ближайшую стену. И снова адская боль. Не прошло и недели, я не мог даже воздуха глотнуть, не то чтобы использовать свои силы. Никто из моих собутыльников, что за пару минут до этого клялись мне в верной дружбе, даже не предпринимали попытки спасти меня. Мне оставалось надеяться на чудо. Он наносил удары снова и снова, ни капли не жалея хворого юношу. Каждый удар заканчивался жутким звоном в ушах, я переставал понимать, кто я, где я нахожусь и зачем я здесь. Я начинал отрубаться, но моё тело само взяло контроль. Инстинкт самосохранения сработал как отточенный механизм. Моё тело смогло уклониться от бокового удара, я рывком с плеча ударил врага прямо в живот. Он шелохнулся, но всё ещё стоял на ногах. Несколько секунд я смог выиграть. Я не стал использовать силы, уж точно не на него. Я быстрым ударом резанул по его челюсти. Он выплюнул зуб и посмотрел на меня озадаченными глазами. И я ударил ещё раз, и ещё раз. Я бил по наглой хारे, не жалея сил. К его чести, он умудрялся стоять на ногах. Но принимать каждый удар ему было всё сложнее и сложнее. Я чувствовал, как хрустит его череп под моими кулаками. И в моменте он собственной головой отбил мой кулак. От неожиданности меня крутануло, и он, подхватив меня, со всей силой кинул об землю. Мой позвоночник уведомил меня о том, как ему не нравится данная ситуация. Этот амбал навис на мне всеми своими килограммами. Злости в нём накопилось сполна, и он с размаху готов был ударить по моей голове, но вовремя я отдёргнул голову, а его кулак согнулся под неестественным углом. Я больше не мог сдерживаться. Я направил поток теней в него, он отлетел от меня на несколько метров, ударившись о то же место, что и я ранее. По его взгляду было видно, как он озадачен. И я понял одно: либо я, либо он. Я направил теневой шип с одной целью — убить его. Я сделал это за долю секунды, но даже этого хватило ему, чтобы увернуться, кувыркнуться и запустить в меня поток огня. Пламя охватило меня, я быстро снял свой плащ, и в этот самый момент в моё лицо прилетел кулак, что повалил меня наземь. А пока я падал, он успел достать заряженный арбалет и направить в мою сторону. Мне не оставалось ничего, кроме как сдаться. Я жестом своих рук показал, что я сдаюсь.

— Не ожидал вас здесь увидеть, княжич, — грубым голосом уведомил меня мой обидчик.

— Я вас тоже, Филипп Яник.

Я догадался, кто передо мной, в тот момент, как он пустил в меня заряд огня. Каждый Одарённый человек обладал уникальной способностью, которая встречалась только у него одного, пока он не умрёт и эта сила не перейдёт к кому-нибудь другому. А последнего обладателя сил огня я знал лично, и за четыре года он бы не мог умереть и передать силы кому-то другому. Филипп Яник когда-то был подающим надежды гвардейцем на службе у моего отца. Он принадлежал к прославленному роду гвардейцев: его отец, дед и все братья служили гвардейцами нашей семье. До того момента, как отец Филиппа, Яков, не уснул на посту. Всё бы ничего, но именно в тот момент группа наёмных убийц проникла в замок. Яков тогда должен был стоять возле двери моей маленькой сестры, но он предпочёл объятья Морфея. Ему перерезали горло, проникли в комнату маленькой Дианы Врановой, перерезали горло ей. И хоть отец успел убить их перед тем, как они покинули замок, чести дома Яник пришёл конец. По древним законам царства, каждый член семьи Яник мужского пола должен был предстать перед судом и лишиться головы. Так произошло со всеми Яниками, кроме Филиппа, который скрылся в неизвестном направлении. С тех пор прошло четыре года, и хоть на поиски Филиппа

постоянно отправляли людей, ему удавалось скрываться. До сего момента я считал, что он сгинул где-то в сточных канавах дальних уголков царства. За его головой были направлены даже инквизиторы, но он сумел скрыться даже от них. В общем и целом, моя семья угробила его жизнь, и теперь он держит заряженный арбалет, направленный в мою сторону. Всё это промелькнуло в моей голове за доли секунды.

— А я только хотел отметить смерть вашей семьи, — злобно рыкнул Филипп.

— Ты этого хотел? Врановы пали, всё, что от них осталось, — жалкий дохляк. — Закончив, я понял, что по моим щекам бегут слёзы. — Теперь нет ни Врановых, ни Яников. Теперь мы призраки, что пытаются найти своё место.

— Ты не должен отвечать за деяния своего отца, ты будешь отвечать за свои. Ты испортил мою одежду.

— Ты готов убить меня за это? — я надеялся на благоразумность моего недруга. И он убрал арбалет и, плюнув в моё лицо, отправился в кабак. Я вытер с лица слюну и поднялся. Меня осенило. Мне бы пригодился такой человек, как Филипп. Могучий, стойкий, готовый замарать руки. Он находится на самом дне, но это место не для таких, как он. Готов поставить свою жизнь на то, что больше всего он хочет очистить свою честь. И я тот, кто может ему с этим помочь как князь Врановера. И я крикнул что есть мочи:

— Филипп! Ты можешь перестать быть призраком, перестать быть тенью прежнего себя! Мою семью оклеветали, Врановы всегда были верными сторонниками царя. И я хочу вернуть им честное имя, раскрыть царю, что его обманули, враг — не тот, кто он думает. Но для этого мне нужны верные люди, которые готовы противостоять любым трудностям. Такие люди, как ты. Помоги мне, а я помогу тебе вернуть твою славу и приумножить её.

В моём голосе проснулась уверенность, и каждое слово я чеканил громко и твёрдо. Я отринул страх и взял свою судьбу в свои руки. Филипп повернулся и медленным шагом пошёл на меня, сверкая своими грозными глазами. Моё сердце сжималось в пятки, но я не дрогнул, не сдвинулся с места, не спускал глаз с Филиппа. Он встал напротив меня и достал из ножен меч, направив его в мою сторону. Я не сдвинулся. Он поднял его над головой, всё ещё не отводя взгляда с меня. А затем сел на одно колено, плашмя положил меч на свою вторую руку и молвил:

— Я, Филипп Яник, преклоняю своё колено пред Исааком Врановым. Сим я заявляю, что моя жизнь и мой меч полностью принадлежат ему. Сей договор я закрепляю своей кровью. — Он лёгким движением порезал свою руку, а затем подал её мне. В моей правой руке появилось теневое лезвие, которым я порезал свою левую руку. А затем мы пожали друг другу руки, тем самым закрепляя сотрудничество кровью. Посмотрев за спину Филиппа, я увидел Ворума. Он, опершись о стену, рассматривал свои тонкие пальцы, а затем, повернувшись в мою сторону, сказал:

— Браво.

Мы молча продвигались к логову Филиппа. О нём я знал немного, лишь то, что оно находится где-то в трущобах города. Спрашивать больше я не стал, всё же Филипп не самый приятный собеседник. Я просто ковылял за широкой спиной Фила и постоянно ловил взгляды, что метали в нашу сторону всевозможные отбросы этого городка. Я прекрасно понимал, что если бы не Яник, меня бы давно пустили по мечам. Без успеха, конечно, ведь они видят перед собой лишь мелкого оборванца, никто и подумать не может, кто я. Наконец-то я смог узнать город, в котором уже провёл столько времени. Старый Воронград имел скверную репутацию места, в котором столетия ничего не менялось, а только ухудшалось. Когда-то, лет пятьсот назад, это была столица княжества, маленький уютный город. Но эпохи менялись, и моим предкам становилось тесно в своём гнезде, и множество поколений строило город своей мечты, совсем забыв о старом доме. В итоге, конечно, у них получился прекрасный Вранск, но Воронград окончательно потерял свой смысл и был заброшен, заплесневел, и в нём завелось мно-

жество паразитов. Всё это мне рассказывали старшие, я слушал вполуха, даже не думая, что когда-нибудь попаду в это место. Теперь же я понял, что всё намного хуже, чем мне рассказывали. Местные люди давно потеряли человеческий вид, а самое красивое, что здесь есть, — старая церковь, которая не идёт ни в какое сравнение с самым маленьким храмом Вранска. И, к сожалению, Фил жил не лучше остальных. Со стороны его дом выглядел заброшенным последние пару десятков лет. Здание когда-то имело два этажа, но всё, что осталось от второго этажа, — это лишь полстены, которая уже совсем скоро собиралась упасть на головы прохожих. Окон нет, лишь заколоченные доски. Дверь повалилась набок. В общем, идеальное место для преступника, которого ищет всё княжество. Филипп одной рукой оттопырил дверь и запихнул меня внутрь. Здесь я не видел ничего дальше своего носа и уже успел споткнуться о гнилые доски, но мой спутник успел меня подхватить. В его второй руке появился маленький огонёк, который осветил глубокую яму, в которую я мог бы полететь, если бы не Яник. Он отпустил меня и неловким движением стряхнул с меня пыль. — Осторожней, — его слова прозвучали гораздо спокойнее, чем обычно, но всё же заставили меня слегка вздрогнуть. Мы спустились пару минут по витиеватой лестнице. Ступени уже давно сгнили и с трудом удерживали Филиппа. Его это совершенно не смущало, и он уверенно продвигался вниз. Дальше мы пошли по тёмным катакомбам, где не было никого, кроме нас. Я не ожидал такого уровня конспирации. Наконец-то, спустя минут десять ходьбы по заплесневелым коридорам, мы остановились возле ничем не примечательной стены. Филипп отодвинул один из нижних кирпичей, где появилась дверная скважина. Немного порывшись в своих грязных штанах, нашёл ключ, которым открыл своё логово. Он с трудом сдвинул в сторону дверь. Первое, что бросилось, — это запах. Очень нежный и приятный. Впервые после дома я почувствовал настолько приятные запахи, словно я попал в мамину оранжерею, где росли удивительные растения из дальних стран. Филипп зажёл несколько фонарей, что осветили хоть и небольшое, но уютное место. Все стеллажи и столы были старые, но Филипп содержал их в чистоте. Тут и там стояли вазы с цветами, множество книг аккуратно разложены по местам. На стене было приклеено несколько листовок с изображением преступников. Я продвинулся ближе. — Этим ты зарабатываешь на жизнь? — Филипп уже успел раздеться по пояс, на его спине я с ужасом разглядел множество шрамов. — Пытаюсь, — на его лице промелькнула лёгкая ухмылка. — Пьёшь чай? — Нет, я сегодня больше ничего не выпью. — Действительно, я находился в ужасном состоянии. Алкоголь лишь ненадолго притупил моё горе, сейчас вся та боль снова окутывала меня. Я пытался не думать ни о чём, но это делало моё состояние только хуже. Я тихо уселся на небольшую табуретку, протёр глаза и уставился куда-то в стену. — В моём доме все пьют чай. Оно помогает в трудные минуты. — Филипп поставил кружку возле меня, а сам уселся в кресло-качалку напротив, укрыв свои ноги пледом. Я же сделал глоток. Чай дал то, чего у меня давно не было, — спокойствие. Я пил его медленными глотками, и вся вселенная сократилась до маленькой кружки чая. Лишь ей было занято моё внимание. Все враги забылись, а боль утихла. — Не похож ты на человека, что вернёт честное имя своего дома, — спокойно промолвил Филипп, не спуская с меня взгляда. — Но это не помешало тебе признаться в верности мне, — с укором произнёс я. — Ха, есть что-то в тебе, спрятанное за худым тельцем. Та самая величественность, что я видел в твоём отце. — Забавно, как все во мне начали видеть нечто глубокое, хотя раньше за мной такого не наблюдалось. — Я думал, ты ненавидишь моего отца. — Да, правда. Не находилось и дня без проклятий в его сторону. Но я уважал его за преданность делу. В наше время это редкость. Все заняты лишь удовлетворением своих низменных потребностей, забыв свой долг. — Ты, похоже, не забыл, раз охотишься за убийцами и преступниками, хотя тебя никто не просил. — Хотел бы я делать нечто большее, но судьба подвела меня, — глаза Филиппа сместились с меня на пол. Я впервые увидел в нём не просто сильного парня без страха, а человека со своими переживаниями, которые он так долго копил в себе. — Я помогу тебе, — твёрдо, как позволял голос, сказал я, для убедительности встав

со стула. — Эй, полегче, боец. Как это поможет тебе вернуть княжество? — Филипп рукой усадил меня на место. — Пока царь не появится в княжестве, я буду болтаться без дела. Так лучше я помогу поймать пару негодяев, что досаждают моему народу, и денег на нормальную одежду заработаю. Не буду же я перед царём в рваньё стоять. — Мне нравится твой запал. Я и не думал, что в чванливом юнце есть доля героизма. — Он прошёлся вдоль комнаты, сорвав со стены один из плакатов. Подойдя ко мне, он вручил мне листовку. Дёшевая бумага изрядно подпортилась за прошедшие годы, что она висела, извещая мир о том, что в северном лесу от Воронграда завёлся неизвестный маньяк, которого прозвали Висельник, что оставил в лесу множество трупов, повешенных перед смертью. Власть даёт за его голову двести серебряных. — И как его искать? Никто же не знает, как он выглядит. Да и существует ли он вообще? Может, это группа людей решила устроить совместное самоубийство. — В моих словах прозвучал смешок. — Не смейся над мёртвыми. Ладно бы это был единичный случай, но трупы находят уже больше двадцати лет. Я два года потратил, собирая информацию. В деревне неподалёку ходит слух о девке, что обрюхатил местный наместник, и когда родители узнали об этом, они прогнали девку, и та подалась в лес, где родила дитя. Дитя, что теперь ненавидит весь людской род и пытается убить всех, кто зайдёт в его лес. — Всё это Филипп рассказывал с каменным лицом, без каких-либо эмоций, и довольно жуткая байка превратилась в сухую выжимку фактов. — Да ну, напридумывали себе страшилок, подвязали к паре случайных совпадений. — Конечно, я понимал, что какой-то убийца действительно существует, но навряд ли хоть кто-то действительно знает, кто он. — Да, я так же думал, пока не встретил того, кто пережил встречу с ним. Один дед, что проходил мимо леса, услышал жуткие вопли, и всё, что он увидел, — это девушку, корчащуюся на верёвке. И что самое интересное, вдали, на вершине дерева, он заметил голого мужчину, что прыгал с ветки на ветку куда-то вдаль. Висельник существует, и я вернулся, чтобы убить его. Кто же мог подумать, что я встречу мёртвого княжича. — На его лице впервые смогла задержаться улыбка. — Да уж, а есть что-то попроще мифического человека, что бегает по деревьям не хуже обезьяны? — Ты боишься? — удивлённо спросил Фил. Действительно, помочь ему я хотел, но подвергать себя риску быть повешенным, особенно после пережитой смерти, я не хотел. Но удивлённый голос Филиппа вернул мне твёрдость. Всё же я не какая-то девица, я не могу даже в мыслях представить, что меня можно победить простой верёвкой. — Ты, похоже, не понял мои намерения. Я собираюсь убить одного из великих князей и капитана первого отдела инквизиции. Я не боюсь страшилки для сельской ребятни. Просто я думал, мы займёмся чем-то стоящим. — Уверю, Исаак, это не просто миф. Я уже несколько лет охочусь за самыми страшными тварями, что ты и вообразить не можешь. Но это гораздо опаснее всех их. Молниеносный человек, что сросся с лесом. Я несколько раз пытался на него охотиться, но каждый раз попадал в ловушку. Он игрался со мной, каждый раз не доводя дело до конца, он всё время оставлял меня еле живым, а я его даже не смог увидеть. Всё, что я знаю, — это то, что он может создавать множество верёвок. Звучит глупо, пока не встретишься с ним. Сам посмотри, сколько шрамов он мне оставил. — Он научил отодвигать свою кофту, оголяя всевозможные шрамы на руках, а его глаза горели пламенем азарта. Впервые я понял, что всё это правда стоит моего внимания. — Убедил. Идём в этот лес на рассвете. — С этими словами я отправился в соседнюю комнату. — А лидерство тебе к лицу, — проводил меня счастливым взглядом Филипп.

Охота

Лесной массив простирался на несколько километров, доходя до самого горизонта. Всюду нас окружала хвоя всевозможных форм и размеров. Тела пронизывал лёгкий утренний холодок. Слышно было щебетание птиц, что перешёптывались о новых гостях. Это место создавало очень спокойную, тихую атмосферу, что совершенно не настраивало на охоту. Я тихо стоял возле дерева, вдыхая чистый воздух, которого я был лишён несколько дней. А где-то внизу Филипп всё никак не мог найти себе места, постоянно суетясь по каждому поводу. В руке у него наготове был заряжен арбалет. Я так и не понял смысл использовать такое оружие, когда ты обладаешь огненной магией, но так Филипп чувствовал себя уверенней. Ну а кто я такой, чтобы что-то ему доказывать.

— Что ты там встал? — суровым голосом вернул меня из мыслей Фил.

— Да ладно тебе, был бы здесь кто-то, я давно бы уловил его тень.

— Не собираюсь я доверять твоим теням. Предпочитаю свои глаза. — Дополнительно к своим словам он указал на свои глаза. Скептик из Фила выходил отличный, а вот как следопыт он полностью провалился. Он так и не нашёл за несколько часов и намёка на Висельника. Со стороны это выглядело так, будто два придурка пошли ранней весной за грибами. Он проверял все гнёзда, ульи, норы, а когда я спросил, зачем он это делает, он ответил лишь: «Ищу кровь». Зачем она ему, я спрашивать не стал, он и так постоянно на взводе, а с каждым новым вопросом он начинает смотреть на меня всё более грозными глазами. Чего глядишь, поджарит на ровном месте. Но что касается меня, то весь мой вчерашний пыл испарился примерно тогда, когда мы вошли в лес. Я ожидал жуткую картину: туман всюду, вороны нависают над тобой, а на деревьях кровавые следы, а получил очень уютное место, где нет и намёка на насилие. Даже животные дружно бегают друг за дружкой, пока хищники посапывают в норах. Но как бы я ни намекал своему спутнику, что место здесь наипрекраснейшее, а убийца давно ушёл отсюда, он был непреклонен, словно у него весь лес был в серых тонах. Я так отчаялся, что просто решил отдохнуть под одной из елей. Я расстелил своё пальто, что любезно одолжил мне Филипп, которое, как нетрудно догадаться, висело на мне как на ребёнке. Зато им можно было покрыть большую площадь. Из кармана я достал ломтик хлеба, что я стащил со стола, пока мы были ещё дома, и начал уплетать его, всё так же любуясь живописными видами.

— Совсем сдурел, хочешь, чтобы Висельник тебя сдёрнул, пока ты жрёшь? А ну дай. — Не успел я ответить, как последний кусок хлеба оказался в руках Филиппа, а затем, на моё удивление, он сам умял его, даже не разжёвывая, и, быстро отряхнув руки, тут же поднял меня за локоть.

— Ты совершенно безответственный кретин. Как ты собираешься стать князем, если ты даже просто не можешь вести себя осторожно? — нависая надо мной, кричал Филипп. Картина была не из приятных. Я долго терпел эту недоохоту Филиппа, но больше не могу.

Я отмахнулся от него и прокричал:

— Да как я стану князем, если ты тратишь столько времени на тупиковое дело? Вот он, твой полёт: ходить, камешки разглядывать в поисках страшилки. Мне-то нужен был храбрый воин, а не... — Мои слова резко оборвались рукой Фила, что закрыла мне рот.

— Тихо, ветка дёрнулась. — Это было самое тупое, что я мог услышать. Я и так не в себе, а тут уже совсем какая-то несуразица. Я убрал руку Фила и повернулся в сторону города. И тут меня охватила дрожь: краем глаза я заметил на одной из высоко расположенных веток фигуру, что пристально смотрела на нас. Она застыла, не двигаясь, как восковая кукла, но как только я повернул голову в её сторону, от неё не осталось и следа.

— Ты видел? — успел шёпотом произнести я, прежде чем моё тело с визгом полетело вниз. От страха я даже не успел сообразить, как моя туша уже висела кверху ногами, привя-

занная к одной из веток. Я в панике начал оглядываться по сторонам, но с такой высоты ничего не было видно, а моё тело, словно маятник, раскачивалось на верёвке. Но когда оно остановилось, на меня взирала снова жуткая фигура. Наконец я смог разглядеть, что это было. Оно было похоже на человека, изуродованного и обезображенного. Острые клыки торчали во все стороны, полщеки было то ли вырвано, то ли съедено. Нос отсутствовал вовсе, лишь красное месиво на его месте. Глаза отсутствовали, на их месте лишь пугающая чернота. Он был полностью голый, лишь обильно растущая шерсть хоть немного скрывала его тельце, которое было во множестве ранений, из которых сочилась чёрного цвета кровь. Всё это я заметил за долю секунды, и это привело меня в такой ужас, что я не мог дышать. Никогда в жизни я не видел такую жуткую картину. А существо всё взирало на меня через черноту своих век безмолвно, не шевелясь и даже не дыша. Ровно до того момента, как Филипп не подал свой голос:

— Исаак! — донесло до нас эхо. И существо медленно повернуло голову в сторону голоса. Это вернуло меня в чувства. Я поймал собственную тень и, преобразовав в копьё, швырнул в тварь. Это было лишь отвлекающее действие. Пока тварь отвлеклась на копьё, я создал клинок и, подтянувшись, срезал кончик верёвки. Я быстро начал падать, всё, что мне нужно было, — нырнуть в тень, что находилась на земле. И когда я почти приземлился, мои конечности с молниеносной скоростью окутали верёвки, со всей мощью натянув моё тело. Я услышал хруст, а затем почувствовал боль, с которой выворачивались мои суставы. Меня охватила агония, а в глазах всё охватила тьма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.